

Андрей Владиславович Загорулько¹

azagor@mail.ru

СЦЕНЫ ОХОТЫ В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ КОРЕЙСКОГО ШАМАНИЗМА

Тема охоты и связанные с ней реалии часто используются в камланиях (кутах), что свидетельствует о значительном влиянии охоты на народные религии и культуры. Сцены, имитирующие охоту в кутах, существовали наряду с охотничьей обрядовой деятельностью, сохранившейся в горных районах, которая отличалась от них деталями и содержанием. В корейском шаманизме, кроме семейных кутов, распространены и общинные — *танкут*, которые проводятся во время деревенских праздников и знаменательных событий. Наиболее известные куты, в которых имитируются сцены охоты, — *Пэёнсинкут* на западном побережье (пров. Хванхэдо), мероприятие посвящено пожеланиям хорошего улова и удачи на море в Хэджу, Онджине и Ёнпхэндо; *Мангудэтхэккут* (пров. Хванхэдо), посвящённый долголетию и удаче самой шаманки, и *Сонорымкут* из Онджин, Пхёнсан и Ёнбэк (пров. Хванхэдо), который связан больше с земледельческой крестьянской культурой. В других регионах Кореи сцены имитаций охоты могли иметь другой подтекст и драматургию. Эти сцены в камланиях отличаются от собственно охотничьей обрядовой практики, представленной в *санян нори Хванбёнсан* из д. Тоам окр. Пхёнчхан (пров. Канвондо). В куте сцена охоты приобретает самостоятельное значение, которое оторвано от самой охотничьей деятельности, поэтому она предельно формализована и насыщена символикой.

Ключевые слова: охота, камлания, кут, санян нори, обряды, церемонии, жертвенные животные, духи.

Andrey V. Zagorulko¹

azagor@mail.ru

HUNTING SCENES IN THE RITUAL PRACTICE OF KOREAN SHAMANISM

The theme of hunting and the realities associated with it are often used in kut, which indicates a significant influence of hunting on folk religions and

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

cults. Scenes imitating hunting in kut coexisted along with hunting ritual activities preserved in mountainous areas, differing from them in details and content. In Korean shamanism, along with family kuts, communal ones are also common — tankut, which are held during village holidays and significant events. The most famous kuts in which hunting scenes are imitated are the *Peensinkut* on the west coast (prov. Hwanghaedo), the event is dedicated to the wishes of a good catch and good luck at sea in Haeju, Onjin and Yeonpyeongdo, *Mangudethaekkut* (prov. Hwanghaedo), dedicated to the longevity and luck of the shaman herself and *Sonorymkut* from Onjin, Pyeongsang and Yong Baek (prov. Hwanghaedo), which is associated with more with agricultural peasant culture. In other regions of Korea, the scenes of hunting imitations could have a different subtext and drama. Hunting scenes in kam-laniyah differ from their own hunting ritual practice, presented in *sanyang nori Hwanbensan* from D. Toam ocd. Pyeongchang (prov. Gangwondo). This one is connected with real hunting practice — winter hunting on skis.

Keywords: hunting, kamlaniya, kut, sanyan nori, rituals, ceremonies, sacrificial animals, spirits.

Охота в земледельческом хозяйстве не имела того значения, что у охотников-собираателей, но в зависимости от среды обитания всё же продолжала существовать. Прежде всего, для поддержания баланса углеводов, белков и жиров в рационе человека, хотя в основном он сохранялся за счёт животноводства (свиньи), рыбы и растительного белка (сои). Тем не менее хозяйство ранних земледельцев лесной зоны умеренного климатического пояса всегда было тесно связано с охотой.

Охота сохранила своё значение при переходе к земледелию в неолите Корейского полуострова, даже при переходе к стационарному проживанию в континентальных районах [12]. При интенсивном сельском хозяйстве бронзового века, когда было освоено производство риса, мясо диких животных всё же составляло значительную долю в диете земледельцев [10; 11]. Считается, что в раннем средневековье в период Трёх государств загонная охота была привилегией высших сословий, что отражалось на составе диеты. Однако изотопный анализ скелетов из погребений Имдан, связанных с протогосударственным формированием Амдок, показал большую долю мясных продуктов, причём произведённых не только из домашнего скота, в рационе населения той эпохи. Если в костяках, ассоциировавшихся с высшим сословием,

превалировала птица (фазан), то у простых земледельцев — свинина (дикий кабан) [9]. В Когурё продукты охоты, такие как свинина (кабан), мясо дикого оленя и птицы (фазан), также сохраняли своё значение [7]. В период Трёх государств охота, в основном загонная и соколиная, становится одним из престижных развлечений при дворе вана. На неё тратилось довольно много времени — месяц или больше за один раз [16, с. 87—90]. Соответственно, появились специальные егеря (*су, ён*), которые выслеживали, загоняли дичь и охотились на неё. Добывали оленей, фазанов, тигров, медведей. Методы были самыми разнообразными — загонная охота, ловушки, засады и т.д. Охотились в основном в конце осени и зимой, также весной. В деревнях промысел дичи начинался, когда заканчивались сельхозработы и выпадал снег. Продукты охоты нередко были частью дани или налогов, которые регионы платили центральному правительству.

По мере совершенствования агротехнических технологий (массового введения тягла до пахоты, повышения разнообразия севооборота и т.д.) расширялись пахотные угодья и возрастала занятость крестьянина в течение полевых работ. Продукты охоты становились не столько повседневным питанием, сколько праздничным. Такая связь проявилась и в том, что часто мясо добываемых животных использовалось для жертвоприношений предкам и на других церемониях. Причём сокращение доли продуктов охоты в диете не отразилось на их применении в качестве жертвенной пищи. Очень часто использовались фазаны, которые в дальнейшем были заменены на кур [16, с. 95]. Принесение в жертву определённой категории духов мяса диких животных становится традиционным.

В период Чосон существовала государственная охота и частная. Государственная охота — *канму* — обычно совпадала с военными учениями, когда в загонной охоте участвовали солдаты. Кроме того, существовали специальные подразделения для охоты на тигров — *чхакхо пунсу*. Обычно устраивались большие *канму* (в Канвондо) с привлечением множества участников и малые *канму* (в Кёнгидо и Пхёнандо), где охотников было меньше. К государственным охотникам относились также соколятники (*ымса*), егеря (*манпхэ*), участвовавшие в загонной охоте, они использовали сетки. Охотники на кабанов (*ёпчогун*), бывшие на казённом содержании, также участвовали в больших и малых *канму*.

Частные охотники, известные под названием *сарёнча*, делились на несколько категорий. Прежде всего *санчхок* — люди, занимавшиеся различными лесными промыслами, сбором лекарственных растений (в основном женьшеня) и охотой. Особенно много их было в пров. Пхёнандо, Хамгёндо и Канвондо. Обычно они объединялись в группы по 5—6 человек, охотясь в основном по хребтам гор, спускаясь в долины для охоты на кабанов и фазанов, которые собираются на полях. Промысловики, охотники на пушных зверей в конце XIX в. сбывали меха в Китай [2, с. 156—167]. До Имжинской войны они все относились к низшей социальной категории *чхонин*. Однако после войны, когда они активно участвовали в партизанской войне с японцами, государство стало привлекать их к различной деятельности (война, охота на тигров, служба во вспомогательных войсках) и статус отслуживших *санчхок* изменился. Нанимая их на службу, государство снабжало их огнестрельным оружием и порохом, и они уже назывались *санчхокпхосу*, *санхэпхосу*.

Другая категория частных охотников называлась *сольмэккун*. *Сольмэ* (*сольма*) — в зависимости от региона так именуются небольшие санки (для льда) или короткие деревянные лыжи. Эти охотники также использовали снегоступы — *сольхи*. *Сольмэккун* охотились на медведей, тигров и кабанов. В отличие от *санчхок* они не относились к профессиональным охотникам, промысловикам: это были обычные крестьяне, проживавшие в горных районах и устраивавшие общинные облавные охоты на кабанов, медведей, тигров, когда их к этому вынуждали обстоятельства. Тем не менее участие в облавах требовало определённого навыка, поэтому крестьяне с детства обучались пользоваться снегоступами, лыжами и копьём.

Основными орудиями охоты в период Чосон были разного вида ловушки (в том числе и ловчие ямы), копья, сетки, фитильные ружья. С помощью ловушек добывали гусей, мелких птиц, соколов, тигров и зайцев. С копьями охотились на тигров, медведей, кабанов, их использовали как при загонной охоте, так и при охоте из засады. Сети применялись при загонной охоте. Соколиная охота была очень популярна среди высшего сословия и сохранилась до середины XX в. В загонной охоте активно использовались охотничьи собаки. После Имжинской войны стало

использоваться и огнестрельное оружие (в основном фитильные ружья), охотники, имевшие его, были на содержании государства.

Дичь, добытая в результате *канму*, использовалась как жертвенная пища в упрощённом ритуале поклонения предкам в Чонмё (весной и осенью). В жертву приносились гуси, косули, олени, лисы, зайцы, фазаны, состав жертвенных даров различался по сезонам: в сентябре — гуси, в декабре — зайцы, весной и осенью — косули, олени, фазаны. В правление вана Тхэджона (1400—1418) были определены правила поднесения жертвенной пищи из добытых животных: мех срезался, а кожа оставалась [16, с. 123].

В крестьянской среде значимость охоты выражалась в определённых табу для уходящих на охоту, целом цикле церемоний, посвящённых *Сансину* (горному духу), которые проводились как в деревне, так на охотничьих угодьях. В каждом регионе были свои ритуалы, самый известный — *санян нори Хванбёнсан* из д. Тоам окр. Пхёнчхан (пров. Канвондо) — объект нематериального культурного наследия пров. Канвондо № 19. Часто добытая дичь использовалась как жертва в сельских обрядах [15, с. 247—230].

Во многом ритуалы и табу (особенно запрет на определённые виды мяса и запрет на половые отношения с жёнами перед охотой) были похожи на приметы и ритуалы соседних народов Дальнего Востока, для которых охота имела большее значение [6, с. 131—135].

Тема охоты и связанные с ней реалии часто использовались в камланиях (кутах), что свидетельствует о значительном влиянии охоты на народные религии и культы. Сцены, имитирующие охоту в кутах, существовали наряду с охотничьей обрядовой деятельностью, сохранившейся в горных районах, которая отличалась от них деталями и содержанием.

В корейском шаманизме наряду с семейными кутами распространены и общинные — танкут, которые проводились во время деревенских праздников и знаменательных событий [5].

Сцены с имитацией охоты (*санян кори*) наиболее развёрнуто представлены в так называемых *пёльсин кутах*, больших деревенских ритуальных мероприятиях, посвящённых пожеланиям процветания и достатка жителям деревни. При этом нужно было накормить всех духов, ответственных за безопасность и богатство. Само мероприятие разделено на отдельные этапы, посвящённые разным

духам, каждый отдельный этап носит общее название — кори [1; 3; 4; 8]. В процессе одного из кори и происходит инсценировка охоты.

Наиболее известные куты, в которых имитируются такие сцены, — *Пээнсинкут* на западном побережье (пров. Хванхэдо), в основном само мероприятие посвящено пожеланиям хорошего улова и удачи на море в Хэджу, Онджине и Ёнпхэндо; *Мангудэтхэккут* (пров. Хванхэдо), посвящённый пожеланиям долголетия и удачи самой шаманке, и *Сонорымкут* из Онджин, Пхёнсан и Ёнбэк (пров. Хванхэдо), который связан больше с земледельческой крестьянской культурой [13; 14].

Пээнсинкут тэдонгут (объект нематериального культурного наследия № 82-в) детально описан благодаря известной шаманке и исполнительнице танцев Ким Гынхва, которая также являлась объектом нематериального культурного наследия. Этот кут был приурочен к празднику урожая в Хэджу и Онджине. Обычно проводился ежегодно, но иногда, в зависимости от деревни, — раз в два-три года.

Территория проведения ритуала обычно расположена на берегу моря или вершине горы около деревни, рядом с местами поклонения *Сансину*, *Пугуну* (духу богатства), генералу-хранителю деревни. Там устанавливаются фигурка Будды и изображения духов, к которым шаманка обращается за помощью (*Сонсу*, *Ирвонсинджан*, *Сансин*, *Пугун*, *Камхын*, *Ёнван*, *Конджуагасси*, *Саммадорён*, *Чхильсон*, *Чхвёёнчангун*). Сам ритуал включает 24 кори (этапа), которые представляют собой обращения к отдельным духам и подношение им жертвенной пищи. Этап делится на три стадии: призывание духа (*чхонсин*), передача пожеланий (*осин*), возвращение (*сонсин*). В основном как жертвенная пища используются рис, рисовые хлебцы и фрукты, но с 13-го кори предлагается мясо. Рис подносится духам предков, урожая, Большой Медведицы, *Сансину* и др., а мясо — духам павших воинов — *кунун* (*кунунсин*), духу-военачальнику (*Чангун*) и *Тэгамсину* (богу удачи), хотя он мяса не ест, но в данном случае задействована его ипостась, связанная со скотом. В качестве жертвенного подношения используется сырая или приготовленная свинина. Все духи так или иначе связаны с кровью, смертью, и кормление позволяет рассчитывать на их благорасположение, особенно это касается *Чангуна* и *кунунсин*. Сырое мясо символизирует добычу (кабана или оленя).

Соответственно, в процессе 13-го этапа шаманка и её помощник играют сцену охоты для добычи мяса для духов. Помощник изображает *Сансан мактуни*, молодого охотника, живущего в горах и помогающего при охоте. Обычно на эту роль выбирается один из жителей деревни, который умеет забивать свиней. Шаманка изображает его мать. Для ритуала готовятся жертвенные продукты: закуски (с мясом), хлебцы из гречки, фрукты и алкоголь. Нужны и стрелы (21 штука). Кут начинается, когда свинью за ноги привязывают к колышкам во дворе. Шаманка в мужской одежде вооружается флагами, бубенчиками (для *кунунсин*). Сцена исполняется в стиле *чэдам* — ритуального подшучивания, обильно насыщенного грубоватым деревенским юмором. Костюм *Мактуни* подчёркивает комизм: он одет в лохмотья с заплатками, на голове накручены тряпки. В зависимости от конкретной драматургии его лицо может быть измазано сажей, а на лбу нарисованы семь звёзд. Юмор и представление предполагает вовлечение зрителей в действие, способствуя интерактивности — важному фактору любого камлания. В некоторых случаях они же участвовали в сценах охоты. В современных инсценировках на концертах народного творчества на роль *Мактуни* выбирается человек из публики, костюмов и атрибутов нет, главное — *чэдам*.

Последовательность действий такова: призываются духи, выбирается место для охоты, призывается *Мактуни*, который обязан помочь духам в охоте, шаманка исполняет *мэтхарен* — специальную охотничью песню (хотя она больше относится к соколиной охоте), ритуальная цель охоты — женьшень и олени. *Мактуни* идёт на охоту, убивает свинью, затем следует его свадьба (как вознаграждение), разделка свиньи, танец с мечами, заключительное общение с духами. В конце еду, смоченную свиной кровью, разбрасывают, а алкоголь разливают по площадке, где проходит камлание. Важной особенностью является то, что свинья в контексте ритуала считается диким кабаном, который должен быть убит на охоте.

Другой важный кут со сценами охоты — *Мангудэтхэккут*. Это крупнейший из шаманских ритуалов в регионе Хванхэдо, который в основном проводится весной и осенью. Он был распространён в Хэджу, Ёнбэк и в Онджине. Основная задача мероприятия — увеличение силы шаманки, уничтожение отрицательного

воздействия на её авторитет со стороны общественного мнения с помощью духов, также повышение благосостояния для всех собравшихся. В развёрнутом виде он посвящён также и благосостоянию государства. Принципы организации самого ритуала передаются из поколения в поколение в среде *сесымму* — потомственных шаманов. Пока сам кут не стал фольклорным номером, считалось, что его может организовать и исполнить только очень авторитетная шаманка, и то два-три раза в жизни (в 60, 70 и 80 лет).

В отличие от предыдущего кута, который приурочен к сельскому празднику, *Мангудэтхэкут* устраивает сама шаманка и её коллектив, поэтому его организация требует больших средств и длительной подготовки (иногда в течение нескольких месяцев). В целом сам кут состоит из 12 этапов, каждый из которых делится на две части (внешнюю и внутреннюю), так что получается 24 кори. Когда весь цикл из 24 частей заканчивается, он повторяется в обратном порядке, так что всего получается 48 кори. Исполнение сокращённого варианта занимает 3 дня, более расширенные версии продолжаться от 5 до 15 дней. В этом куте могут участвовать несколько шаманок и их коллективы, но главной является та, на чьи средства проводят это мероприятие. Для проведения кута готовится многочисленный инвентарь: бумажные цветы, флаги и пища. Состав жертвенной пищи отличается от обычного кута: в ней больше мясных подношений (в среднем забивается одна корова, три свиньи и курица). Заготавливается большое количество *тток* (хлебцы из риса), чумизы с разными наполнителями, каштанов, свежей и сушёной хурмы, *юуба* (китайский финик). Ещё нужны свежие фрукты и ягоды, такие как груши, яблоки, арбузы, виноград, мандарины, дыни и клубника (в зависимости от сезона), орехи — гинкго, кедровые и грецкие. Кроме того, готовятся закуски *панчхан* (в основном блинчики с разными добавками), блюда из рыбы. Помимо этого, приносятся дикоросы — папоротник, колокольчик и хоста.

Перед проведением кута организаторы обходят всю деревню, собирая всех желающих поучаствовать в куте.

После изгнания злых духов из окрестностей проведения кута начинается взаимодействие и угощение духов. Инсценировка охоты занимает 8 кори. Сюжет похож на *санян кори* предыдущего кута — шаманка и *Мактуни*, вооружённые стрелами и трезубцем,

изображают охоту на жертвенных животных. Всё происходит в виде *чэдам* с интерактивным вовлечением участников и шутками. Затем животных убивают и приносят в жертву. *Кунунсин* достаётся кровь и сырое мясо. В некоторых случаях шаманка, в которую вселяются эти духи, пьёт кровь и ест сырое мясо. Однако на 11-м кори мясо варят и кормят им других духов. На последующих кори жертвы и молитвы возносятся духам из домов участников, также жертвы предлагаются духу-покровителю шаманов *Мальмёнсину* и духам — покровителям помощников шаманки. В завершающих кори сам дом и окрестности повторно очищаются от злых духов. Кут завершается общей трапезой и танцами.

Ещё один кут, где есть сцена имитации охоты, — *Сонорымкут*. Он посвящён пожеланиям богатого урожая и тесно связан с земледелием. Так же, как и предыдущие куты, он является масштабным мероприятием и охватывает целую деревню. Наиболее известен вариант из Пхёнсана (пров. Хванхэдо). Он же внесён в список объектов нематериального наследия № 90. Сценарий и схема организации кута передавались от одной шаманки к другой по наследству. Современный вариант создан на основе информации от знаменитой шаманки Ли Сонби. Если сравнивать *Сонорымкут* с описанными выше кутами, то можно отметить, что в нём очень силён элемент *чэдам*, более развита драматургия: здесь представлены декоративные особенности сельского праздника. Тесная связь с крестьянской культурой проявляется и в наборе жертвенной пищи, составе духов и оформлении, в частности помощники (*мудан*) изображают крупный рогатый скот, его кормление и полевые работы. В прошлом он мог устраиваться и без участия *мудан*. По количеству кори он невелик, но каждый этап мог занимать длительный отрезок времени. Всего кори 12, основной этап — это *Чхильсон кори*, отличающийся развёрнутым нарративом и драматургией и полностью посвященный земледелию. *Санян кори*, седьмой по счёту, тесно связан с *кунункори*, т.е. кормлением духов-*кунун*. Сюжет такой же, как и в предыдущих кутах, герои — мать-шаманка и её младший сын *Сансан мактуни*. После сцены охоты следует кормление *кунунсин* — кровью и сырым мясом. Затем туша разделяется, и голова свиньи используется в последующих кори, связанных с изгнанием злых духов.

Использование одного и того же сюжета в *санян кори* можно объяснить территориальной близостью мест происхождения обоих кутов — пров. Хванхэдо и частично Кёнгидо, т.е. центральная часть западного побережья. Это равнинная местность, используемая под сельское хозяйство с древности. Охота существовала в форме сезонных облав на кабанов, которые поедали посевы, и в случае *конму* (коллективная охота, организуемая государством) животные, добытые во время неё, шли на жертвоприношение предкам вана в *вонмё*, дополнительных храмах (в отличие от основного — *Чонмё*).

Однако в других регионах Кореи сцены имитации охоты могли отличаться подтекстом и драматургией. Например, *хотхалькут*, *хосок*, *поманкут* — мероприятие, которое тоже относится к разряду *пёльсинкут*, — бытовало в центральной части восточного побережья (в основном в пров. Северная Кёнсан). Оно не столь распространено и известно, как предыдущие куты, и состоит из одной сцены-кори. Обычно этот ритуал исполнялся для защиты поселения от тигров.

Несмотря на утилитарность, обряд включал несомненный зрелищный элемент и относился к так называемому *тхалькут* — камланию в масках. В отличие от *тхальчхум* — жанра народного танца — маски в кутах были одноразовыми и делались из бумаги. Маска и костюм готовились для помощника шаманки, изображающего тигра. Таким образом, это было своего рода представление.

Сначала готовилась площадка для кута, на середину водружалась сосна. Первым выходил тигр, который танцевал, пел, изображал поедание курицы. Затем появлялся охотник — *пхосу* (стрелок с огнестрельным оружием). Он представлялся, говорил, зачем он здесь, общался и обменивался с публикой шутками в стиле *чэдам*, пел охотничью песню «Ноджонги» и шёл по следу тигра. Затем стрелок находил спрятавшегося тигра и убивал его. Он снимал его шкуру, продавал её официальному лицу, старосте или чиновнику, который сжигал её вместе с сосной.

В прошлом были варианты, когда тигр нападал на корову и отрывал ей голову, охотник убивал тигра, отнимал голову и закапывал её. Таким образом, можно предположить, что раньше драматургия *санян кори* была разнообразней. Шаманка хотя и непосредственно

не участвовала в костюмированном представлении, но присутствовала на нём, обеспечивая поддержку духов — хранителей деревни.

В данном случае в *санян кори* отразились непосредственные охотничьи практики, которые были распространены в недавнем прошлом, когда тигры ещё водились в горных районах. Также об этом свидетельствует фигура охотника *пхосу*, которая появилась в XVII в., когда в Корею попало огнестрельное оружие.

Сцены охоты в камланиях *пёльсинкут* отличаются от собственно охотничьей обрядовой практики в *санян нори Хванбёнсан* из д. Тоам окр. Пхёнчхан (пров. Канвондо) — объект нематериального культурного наследия пров. Канвондо № 19. Конечно, сейчас рассчитанные на туристов камлания проводятся в сильно упрощённом виде, с чучелом кабана. Но тем не менее они связаны с реальной охотничьей практикой — зимней охотой на лыжах, участники которой назывались *сальмэнкун*. Зимняя охота была общественным мероприятием, в котором участвовали жители деревень горных районов. Охотничья экипировка включала снегоступы, лыжи, копьё и приспособления для перетаскивания туши на плечах. В прошлом для переноски использовались небольшие ручные сани; также применялся лук со стрелами, который не попал в стандартизированный набор охотника. Снегоступы использовались при передвижении по ровной местности, лыжи — для быстрого спуска по склону. В Канвондо лыжи были короче и шире, чем в Хамгёндо.

В сильно упрощённом виде обряд представлял собой обращение к духам — хранителям деревни перед охотой, танцы и песни, поход в лес, преследование зверя, охоту, возвращение, разделку и раздачу мяса. Туша разделывалась на 8 частей: голова, шея, 4 ноги, левые и правые рёбра. Нанёсший первый удар получал шею. Свежая кровь либо сцеживалась и выпивалась, либо её сливали с помощью специальной трубки прямо из туши. После возвращения с охоты проводился кут в честь *Сонансина*, покровителя деревни, где жертвенной пищей было мясо кабана.

Если рассматривать *Пэёнсинкут*, *Мангудэтхэккут*, *Сонорымкут*, прежде всего следует отметить, что сцены имитации охоты связаны с жертвоприношением конкретным духам (иногда *Сансину*, но в основном духам павших воинов *кунунсин* и *Чангуну*). Причём им предлагалось мясо. Хотя в основном жертвенным

животным была домашняя свинья, но в ритуальном поле она обозначалась как дикая (кабан) — она должна была быть не кастрирована и по возможности иметь чёрный цвет. Также в кут и вводилась специальная сцена (*санян кори*), которая имитировала процесс охоты и демонстрировала, что жертвенное животное было добыто в лесу. Об этом свидетельствует и способ разделки туши свиньи (на 8 частей), как в охотничьих обрядах. Иногда в сокращённых версиях младший сын не участвовал, шаманка изображала охоту одна, втыкая в туши трезубец и ножи.

Все три кута были распространены в пров. Хванхэдо и Кёнги-до, равнинных районах с земледельческим населением, где охота не играла никакой роли (кроме *канму* и облав на кабанов). Сцены охоты не связаны с охотничьей обрядностью и представляют собой отдельный сюжет в стиле короткой народной комедии, о чём говорит внешность *Мактуни* и его матери. Однако этот жанр выбран исходя из целей *чэдам* (установления взаимодействия со зрителями). Его смысл, судя по месту в последовательности кори, более серьёзен — предоставление специальной жертвенной пищи для определённых духов (хотя фактически само мясо представлено говядиной и домашней свининой, но в ритуальном контексте это мясо диких зверей — оленя и кабана). Охотничья добыча использовалась в качестве жертвенной пищи — после *канму*, в *Чонмё*, как второстепенные подношения предкам правящего дома и после крестьянских облав для *Сонансина* (духа благополучия). Но в этих случаях они непосредственной охотой связаны с пожеланиями благополучия (правящего дома или деревни). В камланиях добытое мясо предназначено для кормления духов (*кунун* или *Чангуна*), которые в пантеоне корейского шаманизма являются душами погибших и используются шаманками как средство воздействия на злые силы. Добытые в горах животные (мясо и кровь) съедаются духами, вселившимися в шаманку.

В куте сцена охоты приобретает самостоятельное значение, которое оторвано от самой охотничьей деятельности, поэтому она предельно формализована и насыщена символикой. Тем не менее в ней отражается отношение к охоте как к деятельности, которая связана с миром леса, гор, во многом чуждым для земледельческого социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева К.В. Корейский шаманизм: от традиции к перформансу // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 9. С. 155—164.
2. Описание Кореи. СПб: Канцелярия Министерства финансов, 1900. Ч. 2. 318 с.
3. Погадаева А.В. Корейские шаманские песнопения и жанр «пхансори» в корейском фольклоре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. 2008. Вып. 551. С. 173—181.
4. Погадаева А.В. Шаманские песнопения в корейском фольклоре // Российское корееведение. 2001. Вып. 2. С. 209—219.
5. Смертин Ю.Г. Корейский шаманизм: прошлое и настоящее // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 322—333.
6. Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017. 232 с.
7. Стоякин М.А. Использование животных в повседневной жизни и погребальной практике в Когурё // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 37—47.
8. Широкова М.Д. Места проведения корейских шаманских ритуалов и их атрибутика // Вестник Центра корейского языка и культуры. 1999. Вып. 3—4. С. 173—190.
9. Choy Kyungcheol, Yun Hee Young, Kim Seung Hee, Jung Sangsoo, Fuller B.T., Kim Dae Wook. Isotopic Investigation of Skeletal Remains at the Imdang Tombs Reveals High Consumption of Game Birds and Social Stratification in Ancient Korea // Science Report. 2021. № 11. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-01798-y> (дата обращения: 16.02.2023).
10. Kwak Seungki. The Hunting Farmers: Understanding Ancient Human Subsistence in the Central Part of the Korean Peninsula during the Late Holocene. Oxford: Archaeopress, 2017. 137 p.
11. Kwak Seungki, Marwick B. What Did They Cook? A Preliminary Investigation into Culinary Practices and Pottery Use in the Central Part of the Korean Peninsula during the Mid to Late Holocene // Journal of Indo-Pacific Archaeology. 2015. Vol. 37. No. 4. P. 25—32.
12. Lee Gyoung-Ah. The Transition from Foraging to Farming in Prehistoric Korea // Current Anthropology. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 307—329.
13. 임장혁 굿에서 모의사냥으로서 사냥거리와 동물공 = Сцена охоты и ритуальное подношение животных в виде имитации охоты в камланиях // 민속학연구. 2008. № 23. С. 167—185.
14. 임장혁 황해도굿의 비교민속학적고찰 = Сравнительное фольклорное исследование камлания провинции Хванхэ // 문화재. 2009. Вып. 42. № 4. С. 135—254.
15. 강원권 문화유산과 그 삶의 이야기 = Культурное наследие региона Канвон и его описание. Чхонджу: 문화재청, 2013. 381 с.
16. 심승구, 임장혁, 전연학, 조태섭 사냥으로 본 삶과 문화 = Охота в жизни и культуре. Серия: 한국문화사. Вып. 40. Сеул: 국사편찬위원회, 2011. 355 с.

REFERENCES

1. Lazareva K.V. Koreyskiy shamanizm: ot traditsii k performansu [Korean Shamanism: from Tradition to Performance]. *Vestnik RGGU, series «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»*, 2018, no. 9, pp. 155—164. (In Russ.)
2. *Opisanie Korei* [Description of Korea]. Saint Petersburg, Kantselyariya Ministerstva finansov Publ., 1900, part 2, 318 p. (In Russ.)
3. Pogadaeva A.V. Koreyskie shamanskije pesnopeniya i zhanr «pkhansori» v koreyskom fol'klore [Korean Shamanic Chants and the Genre of “Phansori” in Korean Folklore]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, series «Yazykoznanie»*, 2008, vol. 551, pp. 173—181. (In Russ.)
4. Pogadaeva A.V. Shamanskije pesnopeniya v koreyskom fol'klore [Shamanic Chants in Korean Folklore]. *Rossiyskoe koreevedenie*, 2001, vol. 2, pp. 209—219. (In Russ.)
5. Smertin Yu.G. Koreyskiy shamanizm: proshloe i nastoyashchee [Korean Shamanism: Past and Present]. *Koreyskiy poluostrov v epokhu peremen*. Moscow, IDV RAN Publ., 2016, pp. 322—333. (In Russ.)
6. Startsev A.F. *Etnicheskie predstavleniya tunguso-man'chzhurov o prirode i obshchestve* [Ethnic Ideas of the Tunguso-Manchus about Nature and Society]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2017, 232 p. (In Russ.)
7. Stoyakin M.A. Ispol'zovanie zhivotnykh v povsednevnoy zhizni i pogrebal'noy praktike v Kogure [The Use of Animals in Daily Life and Burial Practice in Goguryeo]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2021, no. 1, pp. 37—47. (In Russ.)
8. Shirokova M.D. Mesta provedeniya koreyskikh shamanskikh ritualov i ikh atributika [Venues of Korean Shamanic Rituals and Their Attributes]. *Vestnik Tsentra koreyskogo yazyka i kul'tury*, 1999, vol. 3—4, pp. 173—190. (In Russ.)
9. Choy Kyungcheol, Yun Hee Young, Kim Seung Hee, Jung Sangsoo, Fuller B.T., Kim Dae Wook. Isotopic Investigation of Skeletal Remains at the Imdang Tombs Reveals High Consumption of Game Birds and Social Stratification in Ancient Korea. *Science Report*, 2021, no. 11. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-01798-y> (accessed 16.02.2023). (In Eng.)
10. Kwak Seungki. *The Hunting Farmers: Understanding Ancient Human Subsistence in the Central Part of the Korean Peninsula during the Late Holocene*. Oxford, Archaeopress Publ., 2017, 137 p. (In Eng.)
11. Kwak Seungki, Marwick B. What Did They Cook? A Preliminary Investigation into Culinary Practices and Pottery Use in the Central Part of the Korean Peninsula during the Mid to Late Holocene. *Journal of Indo-Pacific Archaeology*, 2015, vol. 37, no. 4, pp. 25—32. (In Eng.)
12. Lee Gyoung-Ah. The Transition from Foraging to Farming in Prehistoric Korea. *Current Anthropology*, 2011, vol. 52, no. 4, pp. 307—329. (In Eng.)
13. 임장혁 굿에서 모의사냥으로서 사냥거리와 동물공 [A Hunting Scene and a Ritual Offering of Animals in the Form of an Imitation of Hunting in Rituals]. *민속학연구*, 2008, no. 23, pp. 167—185. (In Kor.)
14. 임장혁 황해도굿의 비교민속학적고찰 [Comparative Folklore Study of Kamlaniya in Hwanghae Province]. *문화재*, 2009, vol. 42, no. 4, pp. 135—254. (In Kor.)
15. 강원권 문화유산과 그 삶의 이야기 [Cultural Heritage of the Gangwon Region and Its Description]. Chkhondzhu: 문화재청 Publ., 2013, 381 p. (In Kor.)
16. 심승구, 임장혁, 전연학, 조태섭 사냥으로 본 삶과 문화 [Hunting in Life and Culture]. Series: 한국문화사, iss. 40. Seoul, 국사편찬위원회 Publ., 2011, 355 p. (In Kor.)